

ВСЯКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ВСЯЧИНА

ОТ РЕДАКЦИИ

250 лет назад в январе 1769 г. Екатерина II повелела выпустить в свет первый номер сатирического журнала «**Всякая всячина**», состоявший из нескольких листов форматом в половину страницы школьной тетради тиражом 1892 экземпляра. Отдавая дань уважения и признательности издательскому деянию Великой Императрицы, редакция журнала «Традиционная культура» предлагает ввести в корпус журнала раздел «**Всякая фольклорная всячина**», где будут помещаться спорные материалы дискуссионного характера.

УДК 398
ББК 82

ВСЯКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ВСЯЧИНА, ПРОЧИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПУСТЯКИ УШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ НАЛЕПИН

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно? Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».
Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

И. А. Крылов

***Аннотация.** Статья не только вводит в художественный и научный оборот новые материалы, но и анализирует своеобразный литературно-фольклорный опыт Валерия Ивановича Артеменко, создавшего оригинальное художественное произведение на фольклорной основе. Его произведение «Там, где мама, там и родина» представляет не только интересный литературный опыт, имеющий самостоятельную художественную ценность, но и является предметом исследовательского интереса в различных аспектах фольклористического дискурса, объективно представляя на художественном уровне фольклорные страты определенного исторического времени. Углубляя и переосмысляя такое понятие, как «фольклорное поле», предлагает историко-филологическое осмысление ранее игнорируемых широкой научной общественностью образов русской фольклорной культуры как живой традиции, во многом определяющей пути развития русской цивилизации и смыслы национальной ментальности. Каждая фольклорная страта имеет конкретное историческое содержание и гармонично находит свое место в уже существующей фольклорной системе. Понимание и знание этих постоянных процессов, происходящих на русском «фольклорном*

поле», несомненно, обогатит как русскую фольклористическую мысль, так и отечественное литературоведение.

Ключевые слова: Валерий Артеменко, русская литература и литературоведение, русский фольклор и фольклористика, народная культура, массовая культура, фольклорное поле, фольклорные страты.

Эпиграфом к данной публикации выбрана одна из самых маленьких басен Ивана Андреевича Крылова «Петух и Жемчужное зерно», написанная в 1808 г., высмеивающая человеческое невежество и являвшаяся поэтическим переводом прозаической басни великого древнегреческого баснописца Эзопа (VI в. до н.э.) «Петух и Алмаз»: «Петух разгребал по обыкновению своему навозную кучу и, вырывши алмаз, подумал: ежели б золотых дел мастер сию блестящую безделку нашел, то она б ему очень пригодилась; а мне бы ячменное зерно во сто мер лучше сего было».

Не желая уподобляться героям назидательных басен И. А. Крылова и античного Эзопа и прослыть современным невежей в области изучения отечественного фольклора, хотелось бы обратить особое внимание на роль и особенности некоторых фольклорных, квазифольклорных и подвергшихся фольклоризации авторских текстов, вольготно чувствующих себя на бескрайних просторах русского фольклорного поля, а также осколков этих фольклорных образований, играющих важную роль в поэтике художественной литературы нашего времени. И тогда знаменитые строки Анны Андреевны Ахматовой из стихотворного цикла «Тайны ремесла»:

По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне
[Ахматова 1990а, 277]

кардинально переосмысливаются в утверждении, что точно так из художественного сора и фольклорного мусора появляются не только стихи, но и высокая художественная проза.

В 2013 г., незадолго до своей кончины, выдающийся отечественный фольклорист Юрий Иванович Смирнов (1935–2015) опубликовал в «Литературной газете» (№ 13 (6409), 27.03.2013) свою последнюю, ставшую прощальной, статью под характерным названием «Фольклор, которого мы не знаем», где поднял принципиальный вопрос: что же представляет из себя фольклор нашего времени?

Я принадлежу к тому поколению отечественных фольклористов, которое сформировалось в советское время советской фольклористикой с ее очевидными достижениями и столь же очевидными недостатками. Я был ею воспитан — всем ее богатым классическим наследием, ее разнообразной системой фольклорных жанров, зафиксированных в классических сборниках. Фольклористы 60-х гг. прошлого столетия генетически были ориентированы на запись «классических текстов» (или же их сохранившихся фрагментов), зафиксированных в этих классических сборниках, смутно при этом понимая, что мы работаем с текстами уже ушедшей пореформенной России, с текстами, никак не отражающими современную жизнь русского народа. Исключение составляли лишь некоторые жанры, пожалуй, частушки, пословицы, поговорки да детский фольклор, который всегда существовал и существует в двух временных измерениях — во времени прошлом и во времени настоящем.

Записывать иные фольклорные образования, в том числе фольклорные произведения литературного происхождения, решались немногие, это считалось «дурным тоном», как бы нарушением некоего негласного Фольклорного Кодекса с его ориентацией на классические фольклорные памятники. Между тем на фольклорном поле России явственно слышались самые разные фольклорные шумы, которые спонтанно появлялись и также быстро уходили в культурное Небытие. Словом, вокруг шумела разнообразная фольклорная жизнь, которую Ю. И. Смирнов определял для себя расплывчатым термином

«городской фольклор»: «Городской фольклор — это культура смешанная, надэтническая, она не русская и не какая-то иная. Фольклор — неофициальная культура, и городской фольклор тоже, но он всегда откликается на официальную, он без нее не создается, не живет. А крестьянская культура стала испытывать необратимое влияние города лишь в XIX в., и это ее губило, русскую песню замещали жестокие романсы и песни литературного происхождения, сказку заменяли дешевые книжки о похождениях Ваньки-Каина и подобных псевдогероев. Настоящие народные песни — это психотерапия после тяжелого труда, как и былины, когда они действительно пелись или сказывались. Чтобы снять напряжение после тяжелого труда — вот для чего они были нужны, совсем не то, что трясучка, которой сейчас забиты радио- и телеканалы. И это опасно, потому что, если генетически у нашего организма иной биоритм, трясучка усугубляет нервные, сердечно-сосудистые заболевания. Ну, а деревенская культура в нашей стране в XX в. необратимо отмирала» [Смирнов 2013, 4].

Подтверждение всех этих коллизий обнаружилось в литературном произведении Валерия Ивановича Артеменко, где все эти нетрадиционные фольклорные образования, своего рода «фольклорный мусор», играют определенную сюжетобразующую роль. Валерий Иванович Артеменко так и не смог найти для своего первого литературного опыта подходящего названия. Можно даже сказать, что он вообще не считал этот текст литературным произведением, достойным публикации. Просто решил вспомнить свою маму, да и всю свою деревенскую родню через призму художественных переживаний и фольклорных ощущений этих, уже ушедших из нашей жизни, простых русских людей, которые некогда обитали в домах, тоже канувших в небытие, любили, мучились, радовались и страдали, как и все люди у нас в России и вообще на Земле. И всё же даже умирающие дома живут немножко дольше, чем их хозяева. Эта нехитрая истина о бренности нашей жизни в свое время, в 1958 г. в дачном Комарово, что под Ленинградом (да, да, именно под Ленинградом, тогда еще не Санкт-Петербургом), подвигла великую Анну Ахматову на создание маленького

элегического шедевра под названием «Приморский сонет».

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.
[Ахматова 1990, 283].

Люди ушли в Царство вечной жизни, разрушились их дома и «даже ветхие скворешни», а вот душа прошедшего времени, его духовная аура, культурный воздух канувшей в Небытие великой эпохи созидания, неиссякаемого оптимизма и одновременно с этим сокрушительных утрат навсегда сохранились в бесхитростных строчках созданной Валерием Ивановичем Артеменко миниатюры в народном стиле о героях нашего Времени. По сути дела, В.И. Артеменко представил в своем «народном» произведении не фольклорный мусор ушедшей великой эпохи, а определенную **фольклорную страту**, которая характеризовала эту эпоху полнее и разнообразнее, нежели любые традиционные исторические источники.

В конце 80-х гг. прошлого столетия, а если выразиться более масштабно и более пафосно, то «прошлого тысячелетия», мне во время посещения в США знаменитого Смитсоновского института среди прочих фольклорных раритетов была продемонстрирована коллекция аудиозаписей обыденного городского шума американского города (не помню, какого точно, да это и не столь важно) 30-х гг. XX в. Изучение подобного рода «шорохов времени», в том числе и сравнительно-типологическое, имеет определенную исследовательскую перспективу. В нашей стране для определенного периода времени вследствие отсутствия аналогичных технических средств фиксации подобного рода аудиопамятников повседневной народной культуры такие своеобразные фольклорные шумы, «шорохи времени» сохранялись в большей или меньшей степени не на магнитных лентах всякого рода записывающих устройств, а в произведениях художественной литературы. К числу подобных произведений можно отнести и исповедальное эссе Валерия Ивановича Артеменко, которому он после долгих размышлений и колебаний

дал, как нам кажется, вполне исчерпывающее название — «Там, где мама, там и Родина».

В далеком 1966 г. тогда еще молодой начинающий ученый П. В. Палиевский, прорывающая и развивая в своих литературно-философских трудах «оригинальную теорию ценностей, соотносимых с критерием художественности («Русские классики» (1987), «Движение русской литературы XIX — начала XX в.» (1988, 1989), <...> статьи «К 90-летию А. Ф. Лосева» (1987), «В. В. Розанов» (1989), «Розанов и Флоренский» (1987), «К понятию гения» (1969)» [Налепин 2014, 459], прозорливо ратовал за соблюдение разумной *меры научности* в литературоведческих и, следовательно, и фольклористических исследованиях русского фольклора: «Если собирать, например, как советуют структуралисты, в фольклоре повторяющиеся мотивы и определять таким способом его строение, вместо того чтобы понять, почему эти мотивы все-таки всегда новы и неистощимы, то это будет типичное омертвление и вытеснение всего глубокого значения за пределы самодостаточной механической схемы» [Палиевский 2004, 371]. Этой статичной «самодостаточной механической схеме» П. В. Палиевский противопоставлял динамический путь поиска «*новых смыслов*» фольклорных произведений, ярким примером чего как раз и является художественное рассматриваемое произведение В. И. Артеменко.

Аналогичные задачи в рамках так называемой «новой истории» с разной степенью интенсивности решаются многими исследователями самых разных стран. Так, например, фольклористы США, изучая «бихевиористскую историю» (поведенческую историю) США, отчетливо осознали то, «что официальный документ (хроника, летопись, отчет, газетный текст и т.д.) может носить легендарный характер или даже являться чистым вымыслом и что, напротив, фольклор (в самом широком толковании этого термина) может быть надежным историческим источником <...>. Это пришло в историческую науку уже в наши дни, когда коренному пересмотру была подвергнута вся концепция истории США» [Налепин 2009, 107–108].

XX век нанес сокрушительный удар по традиционному русскому фольклору, разрушил некогда целостную систему

традиционных фольклорных жанров. Фольклор как целостная художественная культура продолжает существовать лишь в научном воображении профессиональных фольклористов и у некоторой части энтузиастов молодежного фольклорного движения. О причинах угасания традиционной фольклорной традиции размышляли многие, в том числе и Юрий Иванович Смирнов (1935–2015), увидевший причины трагедийного угасания традиционной фольклорной традиции в неотвратимом появлении фольклора нового времени. Недаром опубликованный «Литературной газетой» разговор с Ю. И. Смирновым, процитированный выше, красноречиво назывался «Фольклор, которого мы не знаем». Уж кто-кто, а Юрий Иванович Смирнов русский фольклор в мировом контексте знал как никто другой и, кроме того, отчетливо понимал все противоречивые процессы, происходившие в живом фольклорном организме.

Отечественная фольклористика, как могла, боролась с разрушительными последствиями бытования традиционного фольклора в условиях всё более разрастающейся урбанизированной среды. Так, А. Н. Афанасьев в зубодробительной рецензии на сборник Е. А. Чудинского «Русские народные сказки, прибаутки и побасенки» (М., 1864), опубликованной в первом номере журнала «Книжный вестник» за 1865 г., продолжая отстаивать свои принципы публикации фольклорных памятников, принципы отбора текстов, утверждал главным критерием такого отбора — народность. Противопоставление народа и «дворовой челяди, цивилизующейся около бар» [Афанасьев 1986, 142], обращало внимание фольклористов прежде всего на те фольклорные произведения, которые бытуют среди народа и отражают мировоззрение народа. «Пора бы собирателям поэтических созданий народа, — писал А. Н. Афанасьев, — обращаться не к дворовой челяди, а к настоящим, истым поселянам, которые, не мудрствуя лукаво, сберегли предания в несравненно большей свежести. Не то рискуем встретиться не только с добрыми папашею и мамашею, с которыми познакомили нас гг. Чудинский и Худяков, но и с такими выражениями, как *мерсую* или *с бонжуром проздравляю*» [Афанасьев 1986, 142].

Вместе с тем многие фольклористы-собиратели уже тогда обращали внимание на изменение контекста бытования традиционных фольклорных произведений, на появление в них новых идей, установок и институтов, которые проходили мимо внимания фольклористов и никак не фиксировались. Так, известный русский советский этнограф, фольклорист и географ Владимир Владимирович Богданов (1868–1949), вспоминая о своей первой этнографической экспедиции 1891 г. в Духовщинский и Бельский уезды Смоленской губернии, отмечал следующее: «Я думал, что этнографы, бывавшие в деревнях, как, например, Павел Васильевич Шейн, Владимир Николаевич Добровольский, Евдоким Романович Романов, Николай Яковлевич Никифоровский, Алексей Парфеныч Сапунов, должны были хорошо ознакомиться с тем, что говорят крестьяне о своем недавнем крепостном прошлом, о современных крестьянских порядках, о которых в то время так много писали в пореформенной печати и упрекали одни других в полном незнании, что такое община, существует ли она, и вообще стало ли крестьянам лучше или хуже после отмены крепостного строя и при земском самоуправлении.

У меня при этом сложилось теоретическое представление, что вышеназванные этнографы-собиратели могли записать подлинные крестьянские рассказы на все эти темы, и особенно о таких ярких переживаниях, как самоуправство дворян и убогая жизнь крестьян в крепостное время. Эту мысль я обосновал тем, что крестьянское словесное творчество изображало, хотя и с некоторой долей фантазии, такие исторические события, как издевательство над русским народом татарских сборщиков дани, как взятие Казани Иваном Грозным, убийство им своего сына, падение Лжедмитрия, поволжская вольница Степана Разина и другие.

Поэтому я был удивлен, что Штейн в вышедшем в 1890 году I томе (ч. 1 и 2) своих «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», включив и Смоленскую губернию, ни одним образцом народной песни, сказки, рассказа не отозвался даже на историческое прошлое крепостной жизни. Впрочем, Шейн далеко не все видел, слышал и записывал сам,

а собирал записи через своих многочисленных корреспондентов, а А. П. Сапунов, исследуя «свою старину», но не по народной старине, в рассказах и преданиях крестьян, а по архивам, по историческим изданиям, по археологическим памятникам. Я вынес впечатление, — замечал В. В. Богданов, — что он — типичный интеллигент, столь же мало подготовленный в гимназии и в университете, каким был и я сам, не знавший ни истории русского народа (да и кто ее знал!), ни народного быта в реальной современности» [Богданов 1989, 36–37].

Необходимость исследования народной культуры и фольклора «в реальной современности» — этот очевидный для современных исследователей тезис в кризисную для отечественной культуры эпоху рубежа XIX–XX вв. становился в полной мере программным и определяющим. В. В. Богданов приводил следующий разговор с А. П. Сапуновым:

«— Неужели, Алексей Парфеныч, витебские крестьяне ничего не рассказывают о том, как их отцы и деды тридцать лет тому назад еще боролись с крепостниками? — спрашиваю я Сапунова. — Неужели, — говорю, — нет у них семейных рассказов о каком-нибудь «покойном барине», который в своей усадьбе был самодуром, а среди крестьян страшилищем либо посмешищем?

— Не слышал таких рассказов, — отмечал Сапунов, — да если бы они и были, то мужик их не расскажет нашему брату-учителю, чиновнику, вообще человеку не в зипуне.

— Почему?

— Не доверяет. Ведь они всех таких, как я, считают и называют «панам», т. е. господами, барам. А барин у них — дядюшка черта.

— Ведь были же, — говорю, — записаны песни о Степане Разине. Не побоялись крестьяне их петь.

— Не знаю, где и кому их пели, — отвечал Сапунов, — а А. С. Пушкину эти песни «были на вид поставлены». Да что и говорить о Разине, о Пугачеве. У нас на витебском базаре как запоют нищие слепцы об Алексее-Божием человеке, которого мучил царище-бусурманище, так их сейчас же городской — в шею: «Проваливай, мол! Был Алексей, да не такой, как ты, ротозей»» [Богданов 1989, 37].

О похожих трудностях в фиксации фольклорных текстов вспоминал и другой известный фольклорист. Н.Е. Ончуков, полагая, что интеллигенция забыла идеалы служения народу: «Эта интеллигенция очень повинна в неисполнении <...> программы Гильфердинга, служа десятки лет народу, интеллигенция эта, к сожалению, в большинстве совершенно чужда народу; это какие-то две отдельные нации, друг другу чуждые, друг друга совсем не понимающие, если только не враждующие», — с горечью писал Н.Е. Ончуков [Налепин 2009, 254]. Он отмечал, что среди этой интеллигенции был даже действительный член Русского Географического общества по Отделению этнографии.

Рубеж XIX–XX столетий отмечен и серьезным кризисом в религиозном сознании разных слоев русского общества, что не могло не отразиться на фольклорных скрепах русского народного православия. Религия, игравшая определяющую роль в сохранении нравственных, этических, эстетических и художественных традиций, постепенно утрачивала свое влияние как среди интеллигенции, так и крестьянства.

Урбанизация и социальные (в том числе и революционные) изменения народной жизни, крестьянского быта привели к тому, что традиционный фольклор всё более утрачивал свою *этноконсолидирующую роль*, сохраняя лишь *эстетическую функцию*, т.е. происходил процесс перехода обрядовой и сакральной народной поэзии в фольклор бытовой. Фольклор новой эпохи следует воспринимать как *особый тип народной культуры*, имеющий свои принципы, целостную функциональность и содержательную организацию. Исторически *фольклорный тип культуры* как бы предшествует литературному в культурном развитии любого народа и влияет на него. Однако неизбежно и обратное влияние — профессиональной культуры на народную, книжной, городской — на сельскую.

Однако помимо книжной существовала своя *система устного городского творчества*, об истории которого нам известно крайне мало, а о взаимном влиянии сельского и городского фольклора можно говорить во многом только априорно. Если *сельский фольклор* стал активно фиксироваться, когда стала очевидна

тенденция к разрушению, то *городской фольклор* первых лет XX в. почти не исследовался. Как здесь не вспомнить сетования А.Н. Афанасьева о фольклорных памятниках, записанных от «дворовой челяди, цивилизующейся около бар» [Афанасьев 1986, 142], и искренне пожалеть, что записей таких «ущербных», как полагал А. Н Афанасьев, было все же сделано до обидного мало и современные фольклористы лишены возможности использовать эти материалы, например, для *хронологической текстологии фольклора*. Каждая историческая эпоха, и советская эпоха тому не исключение, так или иначе оставляла на живом теле фольклора характерные отметины и следы.

Фольклорное поле является в определенной мере онтологической *фикцией*, своеобразным философским допущением существования некоего *фольклористического ноумена*, в определенной мере противопоставляемого фольклору как философскому *феномену*, другими словами, явлению, имеющему конкретное фольклорное наполнение и постигаемому посредством чувственного опыта.

Под понятием «фольклорное поле» мы предлагаем понимать некое этнокультурное пространство, связанное как с конкретными фольклорными произведениями, так и с явлениями народной культуры в целом, включающее репертуар, среду бытования произведения, личности исполнителей и носителей фольклора, где активно проявлены народнопоэтические произведения в первичной устной и вторичной письменной формах, в многочисленных версиях и вариантах, сюжетных типах и разновидностях, вбирающих в себя духовный урожай иных фольклорных полей других народов, наций и народностей.

Фольклорное поле есть некое множество региональных и локальных фольклорных традиций, версий и вариантов, являясь в то же время важным фактором самоидентификации народа, его ментальности.

Фольклорное сознание является неотъемлемым свойством человеческого общества, запечатленным в речевой культуре каждого народа с древнейших времен. Это постоянный признак любой цивилизации, однако устное народное творчество оказывается подвижной системой, видоизменяющейся в рамках трансформации

социально-экономического строя, общественных классов, соотношения города и деревни, психологических парадигм и норм.

Специфика функционирования фольклорного наследия России в современной культуре во многом определяется тем немаловажным обстоятельством, что до сегодняшнего дня это наследие с устоявшейся системой традиционных жанров считалось живой традицией, активно бытующей в жизни, а потому интенсивно взаимодействующей с другими областями духовной культуры.

Цивилизационные пути России определены не только ее великой многовековой историей, языком народов, ее населяющих, ландшафтным многообразием и природными особенностями, но и особой *российской ментальностью*, включающей в себя великое множество самых разнообразных доминант. Одной из бесспорных для российского общества является доминанта фольклорного поля России. Эта живая саморазвивающаяся система на протяжении столетий ясно осознавалась передовыми умами России как вечный фактор сохранения культурного генофонда многонационального Российского государства.

Именно поэтому фольклорное поле России всегда оставалось живым и развивающимся пространством как в благоприятные, так и в самые тяжелые периоды отечественной истории. Вместе с тем современные условия, современная экология бытования фольклора имеют ряд специфических особенностей, которые необходимо знать, исследовать и не вмешиваться кардинальным образом в естественную эволюцию этого культурного феномена. Изменение природной среды, социальные и техногенные трансформации оказывают на фольклор определенное воздействие. Впрочем, изменилось и само фольклорное поле, утратив привычные контуры: расширились его границы и, следовательно, креативные возможности. Именно в силу этих обстоятельств современная российская фольклористика занимается изучением современного состояния как традиционного фольклора, так и новых жанровых образований, которые еще до недавнего времени находились вне поля интересов отечественной фольклористической науки.

В результате изменения социального и культурного контекста, в котором функционировали традиционные жанры фольклора, утратились прежние *этно-бытовые* связи фольклорных явлений. В этой связи необходимо обратить внимание на определенное отставание фольклористической теории, способной объяснить способы существования фольклора в условиях изменившегося социокультурного дискурса.

Иным стало и бытование традиционного фольклора в условиях урбанизированной среды и новых межэтнических контекстов, по-иному стало пониматься и такое явление, как *фольклоризм* того или иного писателя, что еще требует теоретического литературоведческого осмысления.

Произведение Валерия Ивановича Артеменко не просто вводит в научный оборот новые, ранее неизвестные материалы и демонстрирует оригинальные методики паспортизации фольклорных произведений. Как раз эти фольклорные тексты являются общеизвестными. Ценность его произведения в том, что в художественно-литературном контексте автору удалось показать этнокультурную разноголосицу, а точнее сказать, даже многоголосицу эпохи социально-бытовой ломки и рождения странного алогичного мира, который все-таки реально был, и об успехах и просчетах его не затухают бесконечные споры.

Автор же ни с кем в споры не вступает, он лишь предлагает послушать фольклорный шум Истории, где равноценно звучат и осколки русского календарного фольклора, и пулеметная дробь неподцензурной русской частушки, и «жалостливые» строки неподвластного времени стихотворения «Молитва» Карла Александровича Петерсона, и плакатные стихи о Ленине и Сталине дагестанского ашуга Сулеймана Стальского, скорее всего услышанные по Всесоюзному радио, и всего лишь четыре пронзительные строчки из поэмы Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки», и многочисленные песни, которые пела тогда вся страна. Что касается приведенных образчиков брутального солдатского фольклора с его обценной лексикой, то, как говорится, из песни слова не выкинешь. Они тоже вливаются в многоголосый *фольклорный*

шум русского фольклорного поля. В этом своеобразном культурном вареве преобладал всё же традиционный фольклор (пусть даже в урезанном виде), который эстетически организовывал и внефольклорные тексты, превращая их в явление фольклора.

31 октября — 1 ноября 1989 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР проходила международная научная конференция «Роль фольклора в развитии литературы XX века», в которой приняли участие ведущие отечественные фольклористы и литературоведы. Среди традиционных для того времени исследовательских тем выделялся доклад доктора филологических наук Ю.Б. Борева «Городской интеллигентский фольклор как новое художественное явление и его роль в литературном развитии», в котором так или иначе рассматривались новые тенденции бытования фольклора в условиях урбанизированной среды. К сожалению, исследовательские потенции, затронутые в докладе Ю.Б. Борева, не получили должного продолжения ни у фольклористов, ни у литературоведов,

Кроме того, остались актуальны и в наши дни саркастические слова А.Н. Афанасьева о поглощении культуры коммерцией. В статье «Журнальная промышленность», опубликованной в 1858 г. в девятом номере журнала «Библиографические записки», А.Н. Афанасьев так характеризовал наступившую эпоху торжества капитала над культурой: «В наш практический и деньголюбивый век, наряду с другими промышленными предприятиями, открыто еще одно, обещающее в скором времени развиться до изумительных размеров. Предприятие это очень просто: если вы чувствуете в карманах ваших пустоту и желаете без дальних хлопот, хотя на время устранить эту маленькую неприятность, то, поверьте, нет лучше средства, как приняться за издание журнала, т.е. не то, чтобы в самом деле издавать журнал (Боже вас упаси); довольно придумать какое-нибудь громкое заглавие, напечатать заманчивое объявление и надавать тысячи роскошных обещаний, которые ни в коем случае исполнять не следует; собрав с публики деньги, можно выдать ей один или два тощих и никуда не годных номера и затем умолкнуть, не обращая ни малейшего внимания на

требования неугомонных подписчиков» [Афанасьев 1988, 36–37].

Что касается текстов профессиональных авторов, помещенных в художественном произведении В.И. Артеменко, то все они в определенной мере подверглись «фольклорной адаптации» (изъятия, добавления, конъектура, стилистическое соответствие традиционным фольклорным памятникам), что приблизило эти произведения к разряду фольклорных. Подобная «фольклоризация» текстов профессиональных авторов встречается и в классической русской литературе. Характерно в этом смысле творчество В.В. Розанова, который часто приводил искаженные или неверные цитаты (особенно стихотворные строки) любимых им авторов. Исследователи творчества этого самого загадочного русского писателя русского писателя рубежа XIX–XX столетий так и не разобрались в причинах этих «неточностей» и «ошибок» Розанова. Произведение В.И. Артеменко позволяет предположить, что розановские «ошибки и неточности» были своеобразным *стилистическим сигналом* «фольклоризации» ряда текстов писателя. Это всего лишь смелые предположения, но то обстоятельство, что именно произведение В.И. Артеменко рождает подобные предположения, заставляет относиться к этой художественной миниатюре в народном стиле гораздо серьезнее. В 1966 г. П.В. Палиевский отмечал, что подобные исследовательские перспективы были характерны и для русской литературы, всегда существовавшей и существующей в контексте русской народной культуры: «Когда В.И. Даль в начале XIX века стал собирать пословицы, он взялся за это потому, что, как он сказал, если этого не сделать вовремя, “то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребенку, то есть общественным просвещением, изникнут, как родники в засуху”. Вот мнение человека, сумевшего разглядеть проблему, когда она едва забрезжила. Разве он был врагом просвещения? Ничуть. Но он хорошо понимал, что просвещение, иначе пространство готовых знаний, вовсе не простая победа света над тьмой, как это некоторым сгоряча кажется, и что необходимо сохранять языку его внутреннее

неформализованное богатство, если он собирается остаться живым» [Палиевский 2004, 363–364].

Фольклорные шумы, которые хранят русские фольклорные поля, как и их

негромкие хранители, живут и умирают, оставив после себя свой неповторимый след. Придут следующие поколения со своими фольклорными полями — и так будет продолжаться вечно...

Источники и материалы

Афанасьев 1988 — *Афанасьев А. Н.* Журнальная промышленность // Собиратели книг в России. Вторая половина XIX века / Сост. Л. М. Равич. М., 1988.

Афанасьев 1986 — *Афанасьев А. Н.* Рецензия на сборник Е. А. Чудинского «Русские народные сказки, прибаутки и побасенки». М., 1864 // Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986.

Ахматова 1990 — *Ахматова А. А.* Приморский сонет // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 283–284.

Ахматова 1990а — *Ахматова А. А.* Тайны ремесла // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 277.

Богданов 1989 — *Богданов В. В.* Этнография в истории моей жизни. М., 1989.

Исследования

Налепин 2009 — *Налепин А. Л.* Изучение проблем историзма в американской фольклористике // Налепин А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М., 2009. С. 102–133.

Налепин 2014 — *Налепин А. Л.* Палиевский // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина; Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014. С. 459.

Палиевский 2004 — *Палиевский П. В.* Мера научности // Палиевский П. В. Из выводов XX века. СПб., 2004. С. 352–375.

Смирнов 2013 — *Смирнов Ю. И.* Фольклор, которого мы не знаем // Литературная газета. 2013. № 13 (6409). 27 марта 2013. С. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Налепин А. Л. <https://orcid.org/0000-0002-4838-2082>

Доктор филологических наук, заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственной премии России, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: a_nalepin@mail.ru

ALL FOLK CLOUDY MISSILES, OTHER FOLKLORE WASTES OF THE BYGONE TIME AND THE PRESENT LITERARY PROCESS

ALEX L. NALEPIN

(A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *The article introduces new materials into the artistic and scholarly circulation, but also analyzes the unique literary and folklore experience of Valery Artemenko, who has created an original artwork on a folklore basis. His work "Where Mother is, there is also the Motherland" is an interesting literary experience, which has an independent artistic value, but it provides also a subject for research interest in various aspects of folkloristic discourse. It has represented the folklore strata of a certain historical time on an artistic level. Deepening and re-thinking of such a concept as a "folklore field" offer a historical and philological interpretation of a living tradition, which has determined development of Russian civilization and the meanings in the national mentality, but remained previously ignored the broad scientific community of Russian folklore culture. Each folklore stratum has a specific historical content and harmoniously finds its place in the already existing folklore system. Understanding and knowledge of these permanent processes occurring in the Russian "folklore field" will undoubtedly enrich both Russian folklore thought and domestic literary criticism.*

Key words: *Valery Artemenko, Russian literature and literary criticism, Russian folklore and folklore studies, folk culture, mass culture, folklore field, folklore strata.*

References

Nalepin A. L. (2009) Izuchenie problem istorizma v amerikanskoj fol'kloristike [Studies on problems of historicism in American folkloristics]. In: Dva veka russkogo fol'klora: Opyt i sravnitel'noe osveshchenie podkhodov fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX–XX stoletiyakh [Two centuries of Russian folklore: Experience and comparative coverage of approaches in folkloristics of Russia, Great Britain and USA in the 19th — the 20th centuries]. Moscow. Pp.102–133. In Russian.

Nalepin A. L. (2014) Palievskiy P. V. In: Russkaya filosofiya: Entsiklopediya [Russian philosophy. Encyclopedia]. Ed. by M. A. Maslin. Moscow. P. 459. In Russian.

Palievskiy P. V. (2004) Mera nauchnosti [Measure of scientificity]. In: Iz vyvodov XX veka [From the conclusions of the 20th century]. St. Petersburg. Pp. 352–375. In Russian.

Smirnov Yu. I. (2013) Fol'klor, kotorogo my ne znaem [Folklore unknown to us]. Literaturnaya gazeta [Literature gazette]. 2013. No. 13 (6409). 27.03.2013. P. 4. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Nalepin A. L. <https://orcid.org/0000-0002-4838-2082>

E-mail: a_nalepin@mail.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Grand PhD (Philology), Honored Art Worker of Russia, Laureate of the State Prize of Russia, leading research fellow of the Department of Folklore, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
